

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Многие из нас вспоминают весенние дни 1985 г., когда в нашей тогда еще единой стране - Советском Союзе — начались глубокие преобразования, получившие название перестройки. Сегодня, спустя одиннадцать лет, каждый россиянин вправе поставить перед собой вопрос: что же мне дали эти перемены? Конечно, все мы стали свободнее и раскованнее, ибо внедренная в нашу жизнь Горбачевым гласность позволила всем вкусить идейного плюрализма и оценить достоинства политической свободы. Что же касается экономической стороны нашей жизни, то здесь нет никаких оснований для удовлетворения. Это и понятно. Если исключить слой бесчестных политиков, присосавшихся к государственной кормушке, а также слой дельцов, быстро обогатившихся на растаскивании народного достояния и разного рода аферах, то остальные россияне, особенно те, кто привык добывать средства к существованию честным трудом, а не прислужничеством, спекуляцией и воровством, не задумываясь скажут: результат одиннадцатилетних перемен в России, безусловно, отрицателен - страна в разрухе, ее народ в нищете, а международный авторитет России как никогда низок.

Почему же так получилось? Ведь когда начинались перемены и позже, когда были глубокие переломы в нашей жизни, многим из нас верилось, что худшее позади, что, наконец-то, начинается действительное обновление России. Но проходило время и возвышенные идеи и надежды улетучивались? Почему?

Ответу на этот вопрос посвящено более чем достаточно статей и книг, а в прошлом, 1995 г., число их многократно увеличилось. Если же говорить только о последнем пятилетии, было бы несправедливо утверждать, будто об этой весьма смутной полосе отечественной истории и о бесславном провале реформ нынешних властей написано мало и неубедительно. И все же статьи и книги, посвященные этому, далеко не одинаковы.

Солидный труд "Реформирование России: мифы и реальность"¹ создан коллективом российских ученых-обществоведов, социологов и историков, экономистов и политологов, сотрудников Института социально-политических исследований Российской Академии наук, руководимого акад. Г.В. Осиповым. В аннотации справедливо говорится о том, что эта книга представляет собой первый в истории отечественной социологии опыт комплексного анализа социально-политической ситуации в России в период ее реформирования. Социологическая экспертиза реформ, основанная на уникальном эмпирическом и статистическом материале, позволяет увидеть процесс трансформации экономического уклада и политического строя в его динамике и системной сложности. Книга рассчитана на политиков и социологов, политологов и других специалистов, на широкий круг читателей, интересующихся перспективами развития российского общества. Подтверждая справедливость этой характеристики, добавлю от себя: книга впечатляет не только своей научной основательностью, широтой анализа разноплановых проблем и аргументированностью выводов, но и гражданской позицией авторов, глубоко чуждых распространенной дешевой апологетике, но искренне поддерживающих все разумное, реально способствующее действительному обновлению России и открыто не принимающих мифы, ложь, все то, с помощью чего недобросовестные политики и провалившиеся реформаторы хотят оправдать осуществляемый ими под видом реформы развал России, ее экономики и государственности.

Чтобы у читателей было более конкретное представление о содержании рецензируемой книги, суммирующей многолетние исследования ученых института, целесообразно привести хотя бы названия глав: "На исходе перестройки, 1989 год" (I); "Углубление кризиса. 1990-1991 годы" (II); "Диагноз состояния, февраль года" (III); "Альтернатива курсу реформ, май 1992 года" (IV); "Радикализм в действии, июнь 1992 года" (V); "Катастрофа наступает, декабрь 1992 года" (VI); "К стабилизации конституционного строя, январь года" (VII); "Императивы интеграции, апрель 1993 года" (VIII); "Накануне трагедии, июнь 1993 года" (IX); "Крах радикализма, декабрь 1993 года" (X); "Год 1994: снова перед выбором" (XI).

Весьма ценно, что собранные, обработанные и обобщенные в книге аналитические и прогностические материалы в свое время публиковались как доклады и широко обсуждались на представительных научных форумах, в том числе на Президиуме РАН. Можно смело утверждать, что никакие другие академические институты или центры, где трудятся философы, экономисты и историки, тоже представлявшие на суд общественности свои труды, не могут конкурировать своей продукцией, посвященной современному развитию России, с рецензируемым фундаментальным исследованием.

¹ Реформирование России: мифы и реальность. М.: Аcaderaia, 1994. 384 с.

В чем суть авторского понимания происходящего в России на протяжении 1989 - середины 90-х годов? В предисловии к книге говорится: «В 1991 г. власть выпала из рук "реформаторов-сверху", и ее вынуждена была подобрать новая политическая элита - "реформаторы-снизу". Ее особенностью было то, что она испытала на себе сильное влияние старой, сошедшей с политической сцены партийно-государственной номенклатуры и унаследовала целый ряд ее качеств" (с. 12). По мнению авторов, как те, так и другие - старые и новые власти - "в своей политической деятельности в значительной мере опирались на утопическую методологию, мифологизированное знание. Вторых, как новая, так и старая политическая элита игнорирует демократические и научные процедуры принятия решений. Волонтаризм и субъективизм, как два системных порока мышления и практики отечественных политиков, продолжают царить в российской реальности. Именно они определили провал перестроечных, постперестроечных и радикальных реформ» (с. 12).

Однако, что особенно ценно, авторы не ограничиваются этой пессимистической констатацией, тем более, что она односторонняя: «В стране всегда присутствовала социально-политическая сила, которая выступала за проведение реформ с учетом объективных потребностей и закономерностей развития всего общества. Эта составляющая реформаторских сил представлена реформаторами-реалистами, которые пытаются на основе системного социального анализа определить путь России в XXI век, учесть факторы, детерминирующие будущее устойчивое развитие страны. Необходимо отметить, что такая позиция в силу периодически обостряющихся противоречий с авторитаризмом властей далеко не всегда встречала благоприятную реакцию. В ослаблении действия этой составляющей заинтересованы и те внешние силы, которые в будущем не видят Россию среди мировых держав и хотели бы за счет нашей страны умножить свои жизненные ресурсы" (с. 12-13).

Будучи реформаторами-реалистами, авторы через всю книгу проводят мысль, согласно которой на протяжении периода реформ, вплоть до настоящего времени, в стране продолжает доминировать вектор разрушения, основанный на заимствованной из-за рубежа шоково-монетаристской модели преобразований, осуществляемых радикально-корпоративными реформаторами. Многочисленные факты и статистические данные, приводимые в книге, свидетельствуют о крайне негативных для России последствиях такого реформирования, все более твердо отвергаемого россиянами. Негативные итоги осуществляемых реформ, противоречащих интересам большинства граждан России, болезненно воспринимаются этими гражданами, которые уже во время выборов 12 декабря 1993 г., вопреки радужным надеждам власть имущих, лишили своей поддержки многих "демократов" и тем самым вполне определенно потребовали смены политического курса, подменяющего экономическую реформу капитализацией, замены его новым курсом, предполагающим исправление ошибок радикализма и пренебрежения менталитетом россиян, а главное - установления в России политической стабильности и социального порядка, гражданского мира и солидарности, что возможно лишь при осуществлении системы научно выверенных мер, при социальной ориентации экономики, реализация чего привела бы к массовой поддержке реформ.

Однако, как показала жизнь, удручающие для "демократов" результаты выборов 12 декабря 1993 г. не послужили им сколько-нибудь существенным уроком: совершенные перестановки и рокировки у государственной кормушки не привели к изменению пагубного для страны политического курса и разрушительной для большинства граждан капитализации. Уже в 1993 г. произведенный национальный доход по отношению к 1990 г, составил всего 58%, т.е. упал почти наполовину. Такое падение в мирное время достойно Книги рекордов Гиннеса. Промышленная продукция в 1993 г. составляла 63% от того, что было выпущено в 1990 г., а капиталовложений было произведено всего 43%. В 1994 г. падение и разрушение экономики продолжалось: если темпы инфляции несколько снизились, то валовый внутренний продукт сократился на 15% (в 1993 г. на 12%), промышленное производство - на 21% (в 1993 г. на 14%, капиталовложения — на 26% (в 1993 г. на 12%), число безработных увеличилось на 29% (за 1993 г. на 15%). Не только в 1994, но и в 1995 г. продолжалось вместе с падением производства падение жизненного уровня россиян: численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума к январю 1995 г выросла за год на 10%. Власть имущие неоднократно обещали прекращение спада и оживление экономики но это не получилось. Как отмечают авторы исследования, "к середине 1994 г. стало очевидно, что объективные предпосылки стабилизации не были реализованы в достаточной мере: не сформирована т; критическая масса позитивных изменений, которая позволила бы говорить о прохождении страной кризисного пика. Разрушительные тенденции в экономике, политике, социальной и духовно-нравственной сферах снова оказались сильнее, чем процесс создания новых, компенсирующих разрушение форм отношений и механизмов их функционирования" (с. 365).

В этой обстановке продолжающегося развала и упадка экономики, роста недовольства россиян обостряемого кровопролитием в Чечне, состоялись 17 декабря 1995 г. всеобщие выборы во вторую Государственную Думу, отчетливо обнаружившие Дальнейшее падение авторитета "демократов", рост влияния левых оппозиционных сил — Коммунистическая партия Российской Федерации стала самой многочисленно фракцией в новой Думе.

Завершается книга авторским видением выхода из сложившейся ситуации; они справедливо утверждают: "Без создания социально-политических предпосылок, внутреннего согласия Российская Федерация не сможет преодолеть кризис и вступить в XXI век набирающей силу мировой державой. Дальнейшее столкновение крайностей разрушает уже не столько социально-политический строй, сколько само цивилизационное ядро российского общества" (с. 369).

Таковы вкратце основные идеи исследования. Хочу сразу же подчеркнуть, что я и в принципе, и по многим конкретным вопросам разделяю критический анализ авторами книги всего хода реформирования России, разделяю авторское несогласие с распространенными официальными мифами, принимаю негативную оценку российской реальности, сложившейся в результате осуществленных властями перемен. Разумеется, у меня есть свои соображения, которыми хочу поделиться. Эти соображения касаются как нашего прошлого, так и будущего.

Прежде всего я, как и авторы исследования, считаю, что М. Горбачев со своими "прорабами перестройки", а позже и Б. Ельцин со своими либералами-реформаторами в государственной политике опирались на утопическую методологию, руководствовались мифологизированным знанием. Воспитанные в лоне партийно-государственной бюрократии, номенклатуры, воспринимали окружающий мир сквозь призму догм сталинской идеологии - официального "марксизма-ленинизма", весьма далекого от действительных взглядов как Маркса, так и Ленина [1]. Именно поэтому переделываемый ими строй не был социализмом! Как известно, именно такое толкование было ключевым мифом сначала сталинской, а потом и пришедшей ей на смену новой номенклатуры, ибо общество, в котором политическая власть и средства производства отчуждены от людей труда и узурпированы бюрократией, не имело должных оснований, чтобы называться социалистическим. На деле это был "подкрашенный" под общество людей труда "казарменный коммунизм" (псевдосоциализм), предвиденный К. Марксом для стран, где осуществлено преждевременное, насильственное, "зряшное" отрицание еще необходимой частной собственности и рыночной экономики [2]. Руководствуясь этим мифологизированным восприятием действительности, сначала М. Горбачев, а позже Б. Ельцин, пообещав всем осуществить глубокую трансформацию несуществующих черт мифологизированной действительности, на самом деле перестраивали в своих планах не объективную реальность, а ту свою мыслительную конструкцию, в которой воспринималась эта несоциалистическая реальность в их сознании. А как известно, труднее всего сражаться с ветряными мельницами, добиться осязаемого результата, перестраивая воздушные замки! Каждый может представить, что происходило, когда намеченная перестройка или обещанная реформа из сферы теоретических иллюзий опускалась на реальную почву: вместо партии единомышленников, "прорабов перестройки" вокруг М. Горбачева оказывался глубоко чуждый перестройке "новый класс", взамен "ничьей" общественной собственности была цепко удерживаемая государственно-бюрократическая собственность, на месте разгоняемой власти Советов укреплялся сосредоточенный в аппарате непотопляемый слой управленцев, и уж совсем иным было общественное сознание, слабо поддававшееся официально осуществляемой трансформации [3].

Но конец "казарменного коммунизма" (псевдосоциализма) или сталинского тоталитаризма был неизбежен! Как известно, еще в середине 30-х годов, когда И. Сталин и его окружение, узурпировав власть и собственность еще только утверждали казарменный коммунизм как заповедник бюрократии и социальный идеал "нового класса" - номенклатуры, высказывался прогноз о неминуемом внутреннем разрушении этого общества-монстра одним из двух путей: или путем свержения правящей касты революционной партией с целью решительной чистки общества снизу от бюрократии и продвижения к социализму, или путем свержения правящей касты буржуазной партией для буржуазной реставрации [4]. В том и состоит неповторимость наших перемен - при их сопоставлении с тем, что, с одной стороны, случилось в Китае и Вьетнаме, а с другой стороны, с тем, что произошло в странах Центральной и Юго-Восточной Европы - что в них причудливо совместились, перемешались меры и революционного, и буржуазного толка: вначале это была революционная перестройка, нацеленная против бюрократии (это сильно напугало прежнюю элиту, но обрадовало большинство граждан). Перестройка, совершаемая как "революция сверху", через враждебный ей партийно-государственный аппарат, неизбежно уже по этой причине должна была "захлебнуться", сорваться, но также и потому, что объявленное ею "обновление социализма" было невозможным, так как никакого социализма не существовало, обновлять было нечего, и потому, что бюрократия, номенклатура уже превратилась в господствующий класс, у которого было достаточно сил, чтобы воспрепятствовать своему самоуничтожению. Августовский путч 1991 г. продемонстрировал и всю решительность, и всю беспомощность номенклатуры. Вместе с фронтальным поражением путча произошла окончательная смена доминирующих сил: приход к власти Б. Ельцина и его либералов, шедших сначала по инерции под популистскими лозунгами борьбы против номенклатуры и ее привилегий, обещавших народу реформу без повышения цен, означал, что перемены осуществляет уже буржуазная партия. Мифы продолжали владеть умами, фальсифицируя смысл перемен: но если М. Горбачев неверно оценивал социальную природу того строя, в рамках которого призывал "обновить

социализм", то Б. Ельцин, стремясь заменить социализм "цивилизованным капитализмом", не отдавал себе отчета в том, что замене подлежит совсем иной строй и что на его развалинах "цивилизованный капитализм" создать невозможно!

Официальная мифология как при коммунистах, так и при "демократах" была сходна также в том, что власть имущие в обоих случаях говорили об осуществлении одних перемен, а на деле происходило другое. Ведь в 1985-1991 гг. трансформация состояла вовсе не в том, что "обновлялся социализм", что от "деформированного социализма" общество через перестройку шло к социализму недеформированному, настоящему. Равным образом, и в 1991-1996 гг. трансформация заключалась совсем не в том, чтобы от потерпевшего фиаско (а на деле несуществовавшего) социализма с помощью экономической реформы перейти к "цивилизованному капитализму". Нет, трансформация всех этих лет состояла в том и только в том, чтобы сменить в нашем обществе и формы эксплуатации, и самих эксплуататоров.

От граждан пытались скрыть, что на протяжении почти всех десяти лет в нашем обществе шла ожесточенная **борьба за власть над народом** между утратившей свои позиции номенклатурой и нарождающейся буржуазией, что одна форма эксплуатации и угнетения - государственно-бюрократическая - заменялась другой формой эксплуатации и угнетения - обычной буржуазно-капиталистической. При этом никак не скажешь, что новые хозяева жизни — "новые русские" — более гуманны и совестливы, чем их номенклатурные предшественники. А ведь давно известно: "чем меньше совести, тем больше всего остального!" Как раз в силу такого, совершенно чуждого интересам большинства россиян основного содержания происходящих перемен, так грустно и безрадостно простому человеку. Ведь благодаря усилиям власть имущих, осуществляющих под видом экономической реформы капитализацию России, создание в ней властвующих богатых и безработных бедных, страна раскололась, разделилась на процветающих "новых русских" и все более нищающих остальных россиян: численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума является ужасающе большой: 37,3 миллиона человек или четверть всего населения [5].

Однако кто сказал, что историю творят только власть имущие, что народ, основная масса граждан, обречены соглашаться с тем, что вершит политическая элита? В том и заключается одно из главных достоинств рецензируемой книги, что она шаг за шагом показывает, как постепенно, но неуклонно зреет недовольство все более широкого круга граждан, что народ еще не сказал своего решающего слова о происходящем реформировании России. Но он обязательно его скажет! Авторы не скрывают желания помочь гражданам занять взвешенную продуманную позицию. Призывая прекратить дезинтеграционный произвол и начать при широкой социальной поддержке созидательный этап реформ, они предлагают свои семь тезисов о будущем (с. 369—371), смысл которых сводится к ненасильственному переходу от индустриального общества "к постиндустриальному социально ориентированному обществу" (с. 371).

Здесь, касаясь уже не прошлого, а будущего, хочу тоже высказать некоторые соображения в русле предлагаемого авторами объединительного для россиян социального идеала — "постиндустриального социально ориентированного общества".

У меня нет никаких принципиальных возражений против того, чтобы искать будущее России в "постиндустриальном социально ориентированном обществе": действительно, нашему обществу нужна не какая-то безадресная смешанная рыночная экономика, фактически оказывающаяся обыкновенным диким капитализмом этапа первоначального накопления. Учитывая обнищание огромной части граждан России, стране нужна именно социально ориентированная экономика, нацеленная на социальную поддержку бедствующих граждан. Но проблема заключается в том, что официальные власти - это относится и к правительству Черномырдина, — постоянно заявляют, что они как раз являются сторонниками именно социально ориентированной экономики. Кстати, это отражено и в программных заявлениях власть имущих.

Думаю, что в сложившейся ситуации сторонникам перемены политического и экономического курса во имя интересов людей труда нелогично воспроизводить лозунги властей, даже если эти лозунги остаются одними обещаниями: правительству ничего не стоит принять подобные требования и продолжать ничего не делать! Будет гораздо эффективнее, если требованию социально ориентированной экономики придать более конкретное и обязывающее звучание. Глубоко убежден в том, что сегодня обществу необходим такой социальный идеал, который бы учитывал не только растущее недовольство широких масс, их сдвиг влево, но вместе с тем и происшедшие за последние годы перемены в общественном сознании, приспособление части населения к рынку, рыночным отношениям, их желание и дальше использовать здесь свои возможности.

Рассуждая о судьбах России, о выборе ею пути, сегодня уже пора стремиться к тому, чтобы иначе взглянуть на отечественную историю, не делить ее на "свою" и "чужую", сделать так, чтобы можно было учитывать весь отечественный опыт - как "белый", так и "красный" — как негативный, так и позитивный, а главное — не отвергая многих перемен последних лет и не провоцируя новых революционных потрясений, найти ПРИЕМЛЕМЫЙ ДЛЯ ВСЕХ выход из крайне тяжелой ситуации.

Не претендуя на бесспорность своих суждений, думаю, что такому требованию сплочения, объединения россиян сегодня вполне отвечает перспектива рыночного социализма, с недавних пор широко обсуждаемая в Белоруссии, но уже достаточно давно и успешно реализуемая в Китае и Вьетнаме.

"Опять социализм?" - раздаются возмущенные восклицания с одной стороны. "Снова рынок?" - гневно вопрошают с противоположной.

Одним (либералам) кажется, что им снова предлагают классический марксизм, а другим (коммунистам) мерещатся капитализм и ревизионизм. Хотя возмущение тех и других вполне понятно, оно достаточно невежественно.

Отвергая рыночный социализм, и ортодоксальные марксисты, и их либеральные противники не устают напоминать: Маркс и Ленин были неколебимыми поборниками социализма, основывающегося на нерыночной экономике, о чем хорошо известно из таких программных работ как "Критика Готской программы" Маркса и "Государство и революция" Ленина. Но в этих напоминаниях есть и свои акценты: каждая труба трубит по-своему. Если ортодоксальные марксисты напоминают об этом, чтобы, указав на чрезмерную цену рыночных реформ, призвать граждан возвратиться в лоно командно-административного нерыночного казарменного псевдосоциализма, то их буржуазно-демократические оппоненты, кивая на всем очевидные успехи капиталистического хозяйства, рыночной экономики и неудачи нерыночного хозяйства, пытаются подобными рассуждениями умножить число сторонников развитой рыночной экономики — капитализма.

Но все эти препирательства не лишены и определенного лукавства: как те, так и другие, изображая Маркса и Ленина в качестве бескомпромиссных поборников нерыночного социализма, противников товарно-денежных отношений и стоимостных измерений в этом обществе, почему-то замалчивают слова Маркса, писавшего, что "по уничтожению капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами общественных производств, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было" [6]. А ведь все это - не что иное как признание рыночно-стоимостных отношений в обществе, сменяющем капитализм. Не в чести у этих "спорщиков" и четкий вывод Ленина о том, что суть, "хозяйственная база социализма" — "в товарообмене с крестьянством" [7]. Что опять-таки свидетельствует о признании рыночной экономики фундаментом социализма.

Сегодня "рыночный социализм" шаг за шагом обретает роль идейного знамени левых сил. Но чем яснее его смысл, тем больше у него сторонников не только в центре, но и справа, в стане торговцев и в рядах предпринимателей. Но здесь недопустимы упрощения: рассматривая "рыночный социализм" в качестве не только идейного знамени, приемлемого для разнородных сил, в качестве выхода для всех, говоря о нем как о понятии, вполне совместимом с принципиальными взглядами Маркса—Ленина, нужно все же подчеркнуть, что сам термин "рыночный социализм" в их известных работах не встречается. Поэтому принято считать родоначальниками теории рыночного социализма Оскара Ланге и Фреда М. Тейлора, поскольку они математически обосновали совместимость государственного вмешательства и формирования рыночных цен в экономике с общественными формами собственности.

Если же говорить по существу, то РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ - это специфическая разновидность не уже ставшего, а только становящегося социалистического общества, возникающего там и тогда, где и когда острота общественных противоречий уже исключает возможность сохранения эксплуататорского общества, но невысокий уровень развития производительных сил еще не позволяет изжить рыночную экономику, вынуждает использовать рыночные отношения и механизмы для умножения производительных сил и подготовки предпосылок для социализма классической модели.

Выбрать правильный путь к "рыночному социализму" можно при двух условиях: во-первых, при адекватной оценке существующих порядков, подлежащих преобразованию: во-вторых, при верном представлении о цели перемен - самом "рыночном социализме".

Разумеется, каждая страна, становящаяся на этот путь, имеет свои особенности: свои условия в России, другие - в Китае и Вьетнаме, отличается ситуация в Белоруссии и т.п. Но каждый раз, когда речь идет о "рыночном социализме" в той или другой стране, перед властью имущими сразу же встает главная задача: сопоставить производство и потребление такой страны в натуральном и стоимостном (на базе мировых цен) выражении и выяснить: что следует делать для того чтобы стоимость потребляемого в стране соответствовала стоимости производимого ее гражданами, ибо нельзя жить за чужой счет, нельзя жить в долг, нужно "по одежке протягивать ножки". В результате этого первого макроанализа могут быть обнаружены самые разные и разновеликие несоответствия: от грубого несоответствия стоимости потребляемого и стоимости производимого до несоответствия ассортимента необходимой и производимой продукции. Разумеется, несоответствие ассортимента - не катастрофа, если можно посредством продажи части своей продукции получить взамен необходимое из других стран. Уже здесь, в зависимости от характера выявленных несоответствий и должен строиться генеральный проект экономического развития:

меняться структура производства, направление и смысл внешнеэкономических связей, приоритеты во внутренней и внешней политике.

Намереваясь встать на путь "рыночного социализма", нужно иметь четкое представление о его существенных отличиях от привычных схем марксистского социализма. В чем суть этих отличий?

Во-первых, весьма отличаются приоритеты. Если у марксистского социализма основной упор делался не на рост производства, не на умножение общественного богатства (высокая степень производства, по Марксу, здесь подготовлена зрелостью капитализма, исчерпанием в нем возможностей "рыночной экономики"), а на устранение частной собственности ("снятие" ее) и эксплуатации, то специфика "рыночного социализма", утверждающегося там, где не исчерпаны все возможности "рыночной экономики", заключается в акценте именно на стимулы развития производства, на механизмы устойчивого экономического роста, на приближение условий, когда уже не ТРУД в его непосредственной форме, а РАЗУМ, НАУКА как непосредственная производительная сила становится главным источником создания общественных богатств.

Во-вторых, ключевым для уяснения различий между одной и другой формами социалистического преобразования общества является понимание того, что всякое общество СКУДОСТИ, бедности, вышедшее из варварства, неизбежно является и обществом АНТАГОНИЗМОВ, что до тех пор, пока не созданы предпосылки для обеспечения материального достатка для большинства граждан, до тех пор частная собственность и эксплуатация являются неустраняемыми, а вместе с тем и необходимыми условиями роста, прогресса производительных сил, условиями исчерпания возможностей "рыночной экономики". Ошибочно разрывать СКУДОСТЬ и АНТАГОНИСТИЧНОСТЬ общества, пытаться, как это делалось неоднократно, не преодолев СКУДОСТИ, бедности, их причин, рассчитывать устранить АНТАГОНИСТИЧНОСТЬ, преодолеть ЭКСПЛУАТАЦИЮ. Важно понимать, что только одновременно "с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности" [8].

В-третьих, у рыночного социализма свои границы: только полное исчерпание возможностей "рыночной экономики" - или в пределах развитого капитализма, или в рамках совершенствования "рыночного социализма" - может подготовить те объективные и субъективные предпосылки, без которых невозможен переход к действительному социализму, не знающему эксплуатации и гнета. Речь идет не только о развитии потребностей людей, в том числе к труду за пределами необходимого, т.е. о воспитании всеобщего трудолюбия, но и такого развития производительных сил, когда владение всеобщим богатством и сохранение его будет требовать сравнительно незначительного количества рабочего времени. А все это возможно лишь тогда, когда "прекратится труд, при котором сам человек делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека" [9]. Очевидно, что подобное возможно лишь там, где ТРУД в непосредственной форме уступает место РАЗУМУ, НАУКЕ как главному созидателю общественного богатства.

Особенно важно то, что "РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ" - это общественное устройство, сочетающее механизмы развития, стимулы роста, присущие "рыночной экономике", с теми или иными социальными завоеваниями, характерными для социализма с его принципом социальной справедливости. Возможно ли такое? Да, но только в определенных пределах, обусловленных уровнем производительных сил. Нужно подчеркнуть и то, что "рыночному социализму" присущи и некоторые антагонистические устремления его граждан. Так для одних из них - предпринимателей - характерна нацеленность на частную собственность и эксплуатацию наемного труда, а у других, большинства трудящихся, - на общественную собственность и устранение эксплуатации, на устойчивое производство и адекватный труду заработок, устойчивое снабжение, а вместе с тем и социальную защищенность. Ориентация на "рыночный социализм" как раз и позволяет не обострять, а смягчать эту выявившуюся противоположность интересов, постепенно уменьшать ее, вводя возникающие здесь острые коллизии в русло цивилизованных решений. Видно, именно из-за этой нацеленности не на обострение, а на цивилизованное разрешение противоречий и смягчение антагонизмов "рыночный социализм" иногда называют не красным, а "белым (бледным) социализмом" [10].

Однако лозунги и обещания — одно, а дела, часто, - совсем другое. Возможно ли сочетание в одном общественном устройстве механизмов развития и принципов функционирования "рыночной экономики" с принципами социальной справедливости и общественной защищенности, присущими социализму? Да, но только в пределах, обусловленных, с одной стороны, уровнем производительных сил, а с другой, направленностью действий государства, регулирующего общественные отношения в интересах большинства. Нужно подчеркнуть и то, что "рыночному социализму" присущи и некоторые специфические принципы и цели. Одним из важнейших принципов этого общества является принцип строжайшей меры труда и соразмерной с ней меры потребления, соответствующей требованию "по одежке протягивать ножки". Тут нигде: ни в материальном производстве, ни в сфере управления, здравоохранения и образования, науки и культуры не должно быть места никакому расточительству, потреблению непродуманного, присвоению незаработанного; причем первостепенное место и значение имеет оплата

по стоимости главного - труда граждан. Иначе говоря, жесткость "рыночной экономики", высшая справедливость которой состоит в том, что все обменивается по своей стоимости, здесь имеет ключевое значение.

А как быть с прибавочной стоимостью и эксплуатацией? Как известно, присвоение прибавочного продукта, вполне совместимое со строгими требованиями "рыночной экономики", с ее эквивалентным обменом равными стоимостями, составляет не только суть эксплуатации, но и важнейший двигатель "рыночной экономики", мотор капитализма. Если исключить рабочую силу из числа товаров (идеал марксистского социализма), а тем самым исключить и присвоение прибавочной стоимости, получение прибыли, то это, как показал опыт бывших стран "реального социализма", может подорвать стимулы прогресса, привести к застою нерыночной экономики, тем более, если бюрократией присваивается не только прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Видимо, чтобы сдвинуть производство с мертвой точки и придать ему мощный импульс развития, необходимо не только вернуть труженикам весь созданный ими необходимый продукт, но и предоставить возможность предпринимателям присваивать прибавочный продукт или его часть. Если это будет весь прибавочный продукт, то будет не "рыночная экономика", а обыкновенный капитализм. Это так. И в некоторых крайних формах застоя придется, как в годы нэпа, пойти на определенные уступки капиталу и частной собственности в качестве платы, откупа за усилия по оживлению производства, за мощные импульсы экономического роста. Но затем прибавочный продукт важно умело распределять между трудящимися, предпринимателями и всем обществом, добиваясь оптимального сочетания экономической эффективности с социальной справедливостью - в этом суть успешного функционирования этого устройства. "Рыночный социализм" - вовсе не враг предпринимателей и предпринимательства, если их успехи достигаются посредством организации необходимых и прогрессивных производств, торговли и обслуживания граждан, а не путем расхищения народных богатств, спекуляции и других преступлений и нарушений охраняемых государством законов и норм.

Все это невозможно без мощной регулирующей и контролирующей роли государства, без активного участия самих граждан. Давая общую характеристику цели, президент Белоруссии А. Лукашенко говорил: "Мы хотим построить общество с высоким уровнем социальной защищенности человека, с высокой материальной и моральной мотивацией к труду, без дефицитов и очередей. Общество, где законы рынка действуют не стихийно, а в масштабах, которые обеспечивают эффективность производства и распределения. Это значит, я прямо говорю об обществе рыночного социализма. При этом мы не собираемся механически применять чьи-то социалистические модели. У нашего общества своя история, свои традиции, свое видение будущего. Именно его мы выбираем" [11].

Таковы мои соображения, касающиеся возможных перспектив развития российского общества. Очевидно, что охарактеризованный здесь рыночный социализм - лишь одна из разновидностей "пост-индустриального социально ориентированного общества", о котором написано в книге "Реформирование России: мифы и реальность". Высоко оценивая достоинства этой книги, хочу пожелать ее авторам продолжить анализ перемен в России, ибо это — необходимое условие успеха грядущих реалистических перемен в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. об этом: *Лисичкин Г.С.* Мифы и реальность. Нужен ли перестройке марксизм-ленинизм? // Новый мир. 1989. № 3; *Бутенко А.П.* Были ли Маркс и Ленин "марксистами-ленинистами"? // Observer. 1994. №3-4.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 114.
3. См.: *Чубайс И.* О пользе сомнений. Был ли в СССР социализм? // Независимая газ. 1996. 31 янв.
4. *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991. С. 209-210.
5. См.: Известия. 1996. 21 февр.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 421.
7. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 43. С. 385.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 213.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 280.
10. *Stiglitz J.* Whither Socialism? London: MIT Press, 1994.
11. См.: Правда. 1995. 15-22 сент. № 14. С. 5